

Причинная связь в уголовном праве Италии

Аннотация. В современной итальянской уголовно-правовой доктрине преобладает выработанная в германской теории в XIX в. концепция эквивалентности условий в ее трактовке в контексте «научной теории». Считается, что при установлении причинной связи необходимо использовать метод исключения, ориентируясь на данные прежде всего естественных наук, затем на данные прочих наук и максимы общего опыта. Определяющее значение при установлении причинной связи уделяется вероятности наступления последствия, при этом вопрос о степени вероятности остается небесспорным. Теории адекватной причинности и человеческой причинности итальянской уголовно-правовой доктриной отвергнуты. Германская теория объективной вменяемости рассматривается в юридической литературе, у нее есть сторонники, но на практике она не воспринята. Недостатки «научной теории» причинности обусловлены методологической ошибкой. Причинная связь — это категория не научная, а философская. В разных науках, естественных и прочих, есть различные критерии установления причинной связи, пригодные для этих наук. В естественных науках определяющее значение для установления причинной связи имеет повторяемость, которая может оцениваться статистически. Нельзя механически переносить методологию естественных наук в правоведение.

Ключевые слова: уголовное право; учение о преступлении; объективные признаки преступления; Италия; Германия; причинная связь; теории причинной связи; метод исключения; доказывание причинной связи; методология науки.

Для цитирования: Клепицкий И. А. Причинная связь в уголовном праве Италии // Актуальные проблемы российского права. — 2024. — Т. 19. — № 7. — С. 138–146. — DOI: 10.17803/1994-1471.2024.164.7.138-146.

Causality in Italian Criminal Law

Ivan A. Klepitskij, Dr. Sci. (Law), Professor, Professor, Department of Criminal Law,
Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russian Federation
iaklepitskij@msal.ru

Abstract. Modern Italian criminal law doctrine is dominated by the concept of equivalence of conditions as interpreted in the context of «scientific theory» developed in German theory in the 19th century. It is believed that when establishing a causal relationship, it is necessary to use the method of exclusion, focusing primarily on data from the natural sciences, then on data from other sciences and the maxims of general experience. When establishing a causal relationship, the determining factor is the probability of the occurrence of a consequence, while the question of the degree of probability remains controversial. The theories of adequate causation and human causation are rejected by Italian criminal law doctrine. The German theory of objective imputability

© Клепицкий И. А., 2024

* Клепицкий Иван Анатольевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993 iaklepitskij@msal.ru

is considered in the legal literature, it has supporters, but in practice, it is not accepted. The shortcomings of the «scientific theory» of causation are due to methodological errors. Causality is not a scientific category, but a philosophical one. Different sciences, natural and otherwise, have different criteria for establishing a causal relationship that are suitable for these sciences. In the natural sciences, repeatability, which can be assessed statistically, is of decisive importance for establishing a causal relationship. It is impossible to mechanically transfer the methodology of natural sciences to jurisprudence.

Keywords: criminal law; doctrine of crime; objective signs of a crime; Italy; Germany; causation; theories of causation; exclusion method; proving causation; methodology of science.

Cite as: Klepitskij IA. Causality in Italian Criminal Law. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2024;19(7):138-146. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2024.164.7.138-146.

Причинная связь — категория изначально мировоззренческая. В связи с упразднением официальной идеологии, основанной на учении марксизма, представляет интерес трактовка причинной связи в уголовном праве зарубежных стран. Итальянское право представляет особый интерес, поскольку нормы о причинной связи законодательно закреплены непосредственно в итальянском уголовном кодексе, где им уделены две статьи, 40 и 41. Статьи эти не претерпели изменений с момента утверждения кодекса королевским декретом в 1930 г.:

«Статья 40. Причинная связь»

Никто не может быть наказан за действие, предусмотренное законом в качестве преступного деяния (un fatto preveduto dalla legge come reato), если вредный или опасный результат, от которого зависит наличие преступного деяния, не является последствием его действия (azione) или бездействия (omissione).

Непредотвращение результата, предотвращение которого являлось юридической обязанностью, равносильно его причинению.

Статья 41. Стечение причин

Стечение причин предшествующих, одновременных или наступивших позже, хотя бы

и не зависящих от действия или бездействия виновного, не исключает причинной связи между действием и бездействием и результатом.

Причины, наступившие позже, исключают причинную связь, когда одних их было бы достаточно, чтобы вызвать результат. В таком случае, если предшествующее действие или бездействие составляет само по себе преступное деяние (reato), применяется наказание, установленное за последнее.

Предыдущие постановления применяются также в тех случаях, когда предшествовавшей, одновременной или наступившей позже причиной является незаконное действие другого лица»¹.

Часть 1 ст. 40 УК Италии (далее — УК), таким образом, не раскрывая существа причинной связи, констатирует необходимость ее установления для преступлений, признаком которых является вредный или опасный результат (evento), речь идет в нашем понимании о материальных составах преступлений и составах опасности², для которых необходима реальная угроза причинения вреда³.

В части 2 указанной статьи применительно к бездействию к причинной связи приравнено

¹ Использован перевод М. М. Исаева, не утративший своей актуальности (см.: Итальянский уголовный кодекс 1930 г. / пер. проф. М. М. Исаева. М., 1941. С. 12, 13).

² В итальянской доктрине, как и в германской, среди «преступлений опасности» выделяют преступления «конкретной» опасности, при вменении которых необходимо установление причинной связи между деянием и возникшей конкретной опасностью (например, статья 423 УК предусматривает наказание за поджог собственной вещи, если это создало угрозу общественной безопасности). Применительно к прочим преступлениям опасности (в Германии их называют преступлениями абстрактной опасности) установление причинной связи и реальной угрозы причинения вреда не требуется.

³ Вопрос о понимании необходимости вредного или опасного результата (evento) для всех преступлений в итальянской доктрине, как и в российской, остается небесспорным. Натуралистическая концепция исхо-

непредотвращение результата, наступающего в силу иных причин, в нарушение правовой обязанности. О фактической возможности предотвратить результат в этой статье не сказано, но необходимость ее установления вытекает из ст. 45 УК, посвященной случайности (*caso fortuito*) и непреодолимой силе (*forza maggiore*). Под случайностью понимается не только отсутствие вины, но и отсутствие фактической возможности предотвратить последствие. Под непреодолимой силой понимается сила природы, исключаящая волевое деяние, например автобус перевернуло внезапным порывом ветра. Считается, что применительно к бездействию причинная связь всегда имеет гипотетический характер, при этом для установления причинной связи требуется высокая степень вероятности, граничащая с достоверностью.

Необходимость установления причинной связи итальянская доктрина выводит непосредственно из принципа личной ответственности⁴. Отсутствие причинной связи между деянием человека и последствием исключает вменение преступления этому человеку.

В статье 41 УК констатируется, что стечение нескольких причин по общему правилу не исключает вменения результата. Таким образом, теория эквивалентности условий (*condicio sine qua non*, *teoria condizionalistica*) возводится в

общее правило. Если водитель травмировал пешехода, нарушив правила дорожного движения, грубая неосторожность самого пешехода, опасное нарушение им правил дорожного движения не прерывают развитие причинной связи. В качестве исключения из общего правила приводятся прерывающие действие прочих причин непосредственные причины (наиболее близкие по времени к результату) при условии, если их одних (без влияния причин предшествующих) достаточно для наступления последствия⁵. В уголовном законе поясняется, что, если исключенное из причинно-следственной цепи деяние само по себе является преступным, уголовная ответственность наступает за это деяние (например, за покушение на убийство⁶). Это пояснение не служит установлению причинно-следственной связи.

Делая изъятие из общего правила об эквивалентности условий, закон оставляет для доктрины широкие рамки в определении признаков причинной связи. В итальянской доктрине представлены в основном те же концепции причинной связи, что и в германской (теория эквивалентности условий, основанная на методе исключения; теория адекватной причинности; теория научной причинности), исследуются и проблемы объективной вменимости (в итальянской терминологии: *imputazione oggettiva dell'evento*)⁷, хотя такие исследования менее

дит из того, что результат необходим не для любого преступления, существуют «преступления чистого поведения» (*reati di pura condotta*), для которых установление результата не требуется. Юридическая концепция исходит из того, что всякое преступление само по себе может рассматриваться в качестве результата.

⁴ *Mantovani F. Diritto penale. Parte generale. Padova, 2011. P. 137, 138.*

В Италии это принцип конституционный, закрепленный в ст. 27 Конституции 1947 г. Конкретное содержание этой конституционной нормы и раскрывается в ст. 40 УК через категорию причинной связи.

⁵ Практика по аналогии распространила это правило не только на непосредственные причины, но и на причины сопутствующие (одновременные) и предшествующие, если их одних достаточно для достижения результата; вопрос этот остается небесспорным.

⁶ Как и в России (в отличие от Германии), в Италии наказуемо покушение на любое преступление и предусмотрено смягчение наказания за покушение в сравнении с оконченным преступлением.

⁷ Речь идет не о вменяемости лица, а об объективной вменимости деяния, в основном о допустимых рисках, исключающих вменение причинения любого вреда даже при наличии умысла. К примеру, лицо, вовлекающее человека в занятие опасным видом спорта, осознает и допускает причинение вреда его здоровью и даже смерти, но оно не подлежит наказанию за причинение вреда здоровью или смерти, если спорт этот признан в обществе допустимым и вред здоровью наступил не в результате наруше-

популярны, чем в Германии⁸. Есть и оригинальные итальянские концепции, например концепции непосредственной причины и человеческой причины.

Уголовно-правовые концепции причинной связи в Италии не претендуют на решение философской проблемы причинности, они призваны решить задачу сугубо практическую: исключить вменение человеку преступления, которого он не совершал⁹.

Теория эквивалентности условий (она же *causalità naturale, condicio sine qua non*) заимствована итальянской доктриной из германской юриспруденции. До этого преобладали концепция непосредственной причины (*causa prossima*), на которую ориентирует ст. 41 УК, а затем действующей причины (*causa efficiente*). Согласно первой концепции причиной следовало считать последнее во времени из условий, обусловивших результат (отвергнуто практикой и теорией). Согласно второй нужно различать причины и прочие условия: причина — это сила, производящая следствие, а прочие условия — лишь то, что позволяет причине действовать, способствуя ее действию или устраняя препятствия. Для второй теории важно правильно отграничить причину от прочих условий, что само по себе является проблемой.

Теория эквивалентности условий предполагает установление причинной связи с помощью метода исключения, мысленного эксперимента, в ходе которого действие или бездействие человека исключается из условий, обусловивших следствие, и делается вывод о том, наступило ли

бы следствие, если бы это действие или бездействие совершено не было. Если следствие наступило бы — причинная связь исключается. Если бы оно не наступило — причинная связь не исключается, но в современном понимании этого недостаточно для признания содеянного причиной следствия. Это считается минимальным, но не достаточным основанием для установления причинной связи.

Широкое понимание в качестве причины любого условия, без которого следствие не наступило бы, приводит к неоправданным выводам о наличии причинной связи «в случае сочетания совершенно исключительных посторонних условий» (например, смерти пострадавшего в результате дорожно-транспортного происшествия вследствие пожара в больнице, врачебной ошибки, воздействия анестезии или в результате эмболии)¹⁰. При этом доктринальное учение о вине не вводит применение уголовного закона в разумные рамки, так как проблема установления причинной связи возникает в большинстве случаев при отсутствии намерения причинить вред, например при причинении вреда по неосторожности, когда волевая направленность на результат отсутствует. Здравомыслящий человек, законно или незаконно продающий оружие, не может не осознавать, что это оружие может быть использовано при совершении преступления. Но продажа оружия, если нет соучастия в убийстве, не может рассматриваться в качестве причины смерти убитого с помощью этого оружия человека ни с умыслом (косвенном в нашем понимании), ни по неосторожности.

ния конкретных правил. Производители автомобилей не несут ответственность за причинение смерти потерпевшим от ДТП, хотя они и осознают, что их деятельность с неизбежностью влечет гибель людей на дорогах.

⁸ Ф. Мантовани, к примеру, предлагает решать проблемы объективной вменимости деяния (разработанной в германской теории) в контексте допустимого риска в рамках научной теории причинности (учет вероятности следствия) и вины относительно нарушения правил, установленных для осуществления опасной деятельности. Если риск допустим и существуют правила, регламентирующие опасную деятельность, вина должна устанавливаться с учетом нарушения правил и вины (*Mantovani F. Op. cit. P. 176–182*). В конкретном деле Верховный суд Италии признал аргументацию суда апелляционной инстанции, вытекающую из концепции объективной вменимости, «неправильной и противоречивой», но согласился с сделанными выводами (*Cassazione Penale, Sezioni Unite, 11 settembre 2002 No. 30328*).

⁹ *Mantovani F. Op. cit. P. 138*.

¹⁰ *Mantovani F. Op. cit. P. 140*.

Вызывает сомнение утверждение о том, что теория эквивалентности условий — это теория естественно-научная. На самом деле она отсылает не к естественным наукам, а к обыденному житейскому опыту, который далеко не всегда позволяет разобраться в развитии причинных связей. Для некоторых людей, в том числе психически здоровых и способных попасть в число судей, причиной смерти человека может быть признано, например, колдовство.

Прочие теории причинной связи тем не менее основаны на теории эквивалентности условий и корректируют ее, трактуя причинную связь более узко.

В качестве альтернативы теории эквивалентности условий в конце XIX в. немецким физиологом Иоганном фон Крисом была предложена теория адекватной причинности (*causalità adeguata* в итальянской терминологии). Согласно этой теории следствие должно быть типичным для причины. Типичность понимается как предсказуемость последствия действия или бездействия человека с учетом науки и общего опыта. В итальянской доктрине эта теория критикуется как чрезмерно узкая, ведь преступник может осознавать и использовать причинные связи, которые находятся за рамками науки (науки не изучают все возможные причинные связи, а только значимые для той или иной сферы человеческой деятельности) и общего опыта (индивидуального опыта может быть достаточно). Тем не менее позитивное значение этой теории в том, что она вскрыла недостаток теории эквивалентности, постулировав, что не всякое условие может рассматриваться в качестве причины.

Компромиссом между широко трактуемой теорией эквивалентности условий и теорией адекватности стала теория человеческой причинности (*causalità umana*), предложенная Ф. Антолисеи¹¹, согласно которой деяние являет-

ся причиной, когда оно составляет необходимое условие (*condicio sine qua non*) и последствие попадает в сферу контроля человека, основанного на его интеллектуальных и волевых возможностях, и, таким образом, не обусловлено вмешательством привходящих условий, исключающих причинную связь. Эта теория, по существу, является вариантом теории адекватной причинности, где адекватность оценивается не в контексте науки и общего опыта, а в контексте сознания и воли преступника. При таком подходе причинная связь исключается лишь в очень редких случаях, в отличие от теории адекватной причинности, где всякое нетипичное последствие отвергается. Это широкая трактовка причинной связи, при желании и при таком подходе можно установить причинную связь между колдовством и смертью жертвы колдуна. Теория эта критикуется на том основании, что она смешивает объективные и субъективные признаки преступления¹². При этом она бесполезна в большинстве случаев, когда возникают сложности с установлением причинной связи, поскольку речь идет о преступлениях, совершаемых без намерения причинить вред. В такой ситуации представляется более удачной простая формула, выработанная в английской доктрине: *желаемые результаты никогда не бывают слишком отдаленными*. Но ни итальянская, ни германская судебные доктрины не придают намерению (прямому умыслу в нашем понимании) столь важного значения. Считается, что причинная связь не может быть сколь угодно малозначительной даже при наличии намерения причинить вред.

Недостатки означенных теорий призвана преодолеть научная теория причинности (*causalità scientifica*)¹³. В соответствии с ней последствие является необходимым (в смысле *condicio sine qua non*) и весьма вероятным «согласно наилучшим достижениям науки

¹¹ *Antolisei F.* Il rapporto di causalità nel diritto penale. Padova, 1934 ; *Idem.* Manuale di diritto penale. Parte generale. XVI ed. Milano, 2003.

¹² *Mantovani F.* Op. cit. P. 142.

¹³ Иногда научную теорию не выделяют в качестве теории самостоятельной, а рассматривают в рамках теории эквивалентности (*condicio sine qua non*). См.: *Marinucci G., Dolcini E., Gatta G. L.* Manuale di diritto penale. Parte generale. Milano, 2023. P. 250–258.

и опыта на данный исторический момент»¹⁴. Метод исключения принимает новую трактовку: событие не произошло бы с уверенностью или высокой вероятностью (согласно наилучшим достижениям науки и опыта на данный исторический момент), если бы субъект воздержался от действия.

В обоснование научной теории причинности Ф. Мантовани оперирует известными нам по советской теории необходимого причинения категориями «необходимость» и «случайность»¹⁵, но отсылает при этом не к материалистической диалектике марксизма, а к наилучшим достижениям науки и опыта.

Эта концепция ближе всего стоит к теории эквивалентности условий, дополняя ее тем, что при применении метода исключения нужно руководствоваться не обыденным опытом, но «наилучшими достижениями науки и опыта на данный исторический момент», причем в качестве последствий нужно рассматривать не только последствия неизбежные, но и весьма вероятные. Эта теория представляет собой синтез теории эквивалентности (минимальный тест на причинность) и теории адекватной причинности, при этом адекватность (вероятность, типичность) понимается с учетом наилучших достижений науки. Наилучший опыт (за рамками науки) оставлен для случаев, когда достижения науки не могут дать ясный ответ. Например, наука не исследует, насколько вероятна смерть от дорожно-транспортного происшествия (ДТП) в результате пожара в больнице, где лечился потерпевший. С точки зрения наилучшего опыта это маловероятно, причинной связи нет.

Представляется, что и эта теория не позволяет избежать субъективной оценки при установлении причинной связи. К примеру, если потерпевший от ДТП умер в операционной от анафилактического шока¹⁶ в результате анестезии — вопрос о причине смерти остается небесспорным. Следуя научной теории причинности, вероятность такой смерти невелика, поскольку

анафилактический шок случается редко, лишь несколько сотых долей процента пациентов страдают от него после применения анестезии, при этом умирают всего лишь 5–10 %. Но ведь само по себе построение цепочки причинно-следственных связей основано никак не на науке (ввиду узости наук), а на житейском субъективном опыте. Причинную связь можно увидеть и в ином ракурсе: в результате ДТП причинен тяжкий вред здоровью, опасный для жизни. Для спасения жизни человека понадобилась сложная операция, также для жизни опасная, но необходимая в контексте снижения риска. Опасность хирургического вмешательства была обусловлена множеством факторов, лишь одним из которых была возможность анафилактического шока. При этом человек умер в результате опасной для жизни операции, а тому, что он умер именно от анафилактического шока, нельзя придавать существенного значения, это случайность.

Вероятность наступления последствия остается признаком дискуссионным и оценочным. В правовой теории представлены разные точки зрения. Некоторые исследователи и судьи исходят из того, что вероятность наступления последствий должна быть близка к 100 %, другие считают достаточной «наибольшую вероятность». В практике также нет единообразия, но она склоняется к тому, чтобы избежать крайностей в оценке вероятностей¹⁷.

В обоснование научной теории причинности Ф. Мантовани приводит существование особой науки о причинности — *scienza causale*. Представляется тем не менее, что такой науки в качестве самостоятельной отрасли научного знания не существует. Есть многочисленные философские и религиозные спекуляции относительно причинности. Есть методы научного исследования причин и следствий в рамках отдельных отраслей науки, при этом обобщение эмпирических данных позволяет сделать вывод о большей или меньшей вероятности

¹⁴ Mantovani F. Op. cit. P. 142.

¹⁵ Mantovani F. Op. cit. P. 143.

¹⁶ Опасная для жизни аллергическая реакция на введение лекарства.

¹⁷ Mantovani F. Op. cit. P. 149–150.

того или иного последствия. В любом случае при выборе причин и следствий при сложном развитии причинно-следственных связей в житейских ситуациях, характерных для уголовного права, придется руководствоваться обыденным житейским опытом, с его неизбежными субъективными оценками, а не наукой о причинности.

Ф. Монтовани в обоснование научной теории причинности приводит следующие ее исходные положения:

1) при установлении причинной связи нужно использовать наилучшие достижения науки и наилучший опыт, имеющийся в данный исторический момент, нельзя ориентироваться на знания и опыт обвиняемого, но нельзя и игнорировать их, если в конкретной ситуации его знания и опыт можно считать наилучшими (например, обвиняемый изобрел новое оружие); причинность при этом нельзя смешивать с виновностью¹⁸;

2) научная причинность всегда предполагает не достоверность или вероятность, а относительную возможность наступления последствия, высокую степень его вероятности (научный релятивизм); для установления причинной связи нужно использовать не только общепризнанные закономерности (например, закон всемирного тяготения), но и иные закономерности, установленные методами, обеспечивающими высокую степень достоверности¹⁹ (например, методами

статистики можно оценить связь курения табака и рака легких, по-видимому, как недостаточно высокую, поскольку торговля табаком в качестве причинения тяжкого вреда здоровью и убийства в данный исторический момент не рассматривается);

3) поскольку естественные науки не описывают все жизненные ситуации, необходимо учитывать и знание, не подтвержденное исследованными статистическими закономерностями, но тем не менее научное, поскольку оно обосновано рационально²⁰, а также данные общественных наук²¹ и максимы общего опыта (в качестве таких максим приводятся примеры: транспортные средства пересекают пути или останавливаются в зависимости от того, опущен ли шлагбаум; ребенку ничто не угрожает под присмотром няни, и он подвергается риску, если она отвлечется; купальщик рискует, если спасатель отвлечется или отсутствует)²²;

4) используемые при установлении причинной связи научные знания проверены научными методами, а максимы опыта могут быть проверены обыденным опытом, не являются результатом догадок или субъективных интуиций²³;

5) вероятность наступления последствия нужно проверить с учетом обстоятельств конкретного дела, поскольку эти обстоятельства могут увеличить или уменьшить вероятность; логико-конкретная вероятность может отличаться

¹⁸ Mantovani F. Op. cit. P. 143–144.

¹⁹ Mantovani F. Op. cit. P. 144–145.

²⁰ В качестве примера Ф. Монтовани приводит причинную связь между приемом талидомида беременными женщинами и уродствами детей. При этом общая статистическая закономерность (вероятность) не установлена ввиду отсутствия и невозможности всеобъемлющих исследований. Вывод о наличии причинной связи признается научным ввиду адекватной научной поддержки; разоблачения вредности препарата несколькими учеными; наличия научной гипотезы о механизме причинения вреда; экспериментов на животных; замеченного врачами в разных странах совпадения приема препарата с уродствами детей; роста уродств в местах его распространения и их уменьшения после отказа от него.

²¹ Например, психология позволяет установить причинную связь при посредственном причинении вреда, когда преступник использует невинного агента (например, малолетнего). Ф. Монтовани приводит также в качестве примера причинные связи между действиями доносчиков и расправами над участниками сопротивления в фашистских и иных тоталитарных государствах, осуждение за непреднамеренное причинение смерти испанского журналиста, раскрывшего имена внедренных в сепаратистскую баскскую организацию агентов правоохранительных органов.

²² Mantovani F. Op. cit. P. 145–146.

²³ Mantovani F. Op. cit. P. 146–147.

ся от абстрактной статистической вероятности, установленной без учета этих обстоятельств; низкая вероятность исключает причинность, в том числе с учетом иных приводящих причин²⁴;

б) установление причинной связи возможно только ретроспективно, когда последствие уже наступило. При этом причинная связь исключается в результате мысленного эксперимента, в котором мысленное исключение деяния устраняет последствие с уверенностью или высокой степенью научной вероятности, с учетом не только абстрактных закономерностей, но и приводящих условий. При этом Ф. Монтовани отрицает проблемы альтернативной и гипотетической причинности. Альтернативная причина — например, когда два человека влили независимо друг от друга смертельную дозу яда в стакан потерпевшего, тот умер — в контексте научной теории позволяет усмотреть в этом случае причинную связь между деяниями каждого из отравителей и смертью. Ведь действия каждого из отравителей с неизбежностью или по меньшей мере с высокой вероятностью влекут смерть потерпевшего. Гипотетическая причинность, например, когда лицо застрелило человека, уже смертельно отравленного другим лицом, также не исключает вменение смерти стрелявшему, так как «последствие для целей установления причинности не является последствием абстрактного типа (например... смерть), а конкретным последствием... (например... эта смерть от огнестрельного оружия в определенный момент)»²⁵;

7) в части процессуальной оценки причинности действует двойной принцип: а) свободная оценка доказательств, при этом устанавливается,

является ли последствие неизбежным или весьма вероятным следствием деяния; б) *in dubio pro reo*, все сомнения, в том числе и относительно вероятности, толкуются в пользу обвиняемого²⁶.

В целом итальянская «научная теория» причинности, как и ее германский аналог — теория закономерного условия (*gesetzmäßige Bedingung*), не позволяют избежать субъективной оценки при установлении причинной связи, что очевидно, например, в связи с отсутствием общепринятого понимания необходимого уровня вероятности. К положительным свойствам этой теории можно отнести то, что она исключает понимание колдовства в качестве преступного деяния. Но это достижение может оказаться временным, ведь нельзя гарантировать, что в будущем, по мере прогресса наукообразного невежества, колдовство не будет отнесено к естественным наукам. Это сделать не сложно, подведя под него эмпирическую основу и придумав наукообразное название. Современные науки, например медицинская, в этом контексте мало отличаются от колдовства. Многие лекарства, которыми лечили нас в детстве, сейчас признаны вредными и изъяты из обращения. Специалисты Pfizer разрабатывали лекарство от стенокардии, в итоге получили «Виагру».

Другое положительное свойство «научной теории» — возможность ссылаться на данные естественных наук, в том числе статистические (низкую вероятность), при опровержении выводов, сделанных на основе обыденного правосознания. Впрочем, полезность этого неоспорна, как уже показано на примере с анафилактическим шоком.

²⁴ Mantovani F. Op. cit. P. 147–148.

Приводятся следующие примеры отсутствия причинной связи между деянием и смертью: ранение потерпевшего, в результате которого тот гибнет в больнице от пожара, молнии, лавины, врачебной ошибки, действия сумасшедшего, отказа от лечения, от дорожного происшествия в пути; смерть ограбленного от сердечного приступа; смерть от молнии лица, отправленного в лес при приближении грозы. Ф. Монтовани рассматривает ситуацию, когда наносится травма, которая может стать причиной смерти, если ее не лечить. Нанесение такой травмы может считаться причиной смерти, если своевременное оказание медицинской помощи было невозможно (например, высоко в горах). Если же потерпевший, имея возможность получить медицинскую помощь, отказался от нее либо смерть стала результатом врачебной ошибки — причинная связь между травмой и смертью отсутствует.

²⁵ Mantovani F. Op. cit. P. 149.

²⁶ Mantovani F. Op. cit. P. 150.

Решение в «научной теории» проблемы альтернативной причинности внутренне противоречиво и, по существу, является отрицанием метода исключения. Не случайно Ф. Монтовани, отвергая актуальность этой проблематики, использует терминологию, далекую от науки, называя очевидный вывод для альтернативной причинности, полученный путем исключения, «софистикой»²⁷.

Небесспорна и трансформация правила *in dubio pro reo* в контексте этой теории, в том числе и в части установления причинной связи. Ведь «неустранимые сомнения» и «высокая вероятность» не одно и то же. Неустранимые сомнения — это из области психологии, высокая вероятность — это относится только к естественным наукам или к психологии тоже? Если нет — как это объяснить судьям и присяжным заседателям?

В целом «научная теория» основана на методологической ошибке. Причинная связь — это категория не научная, а философская, миро-

воззренческая. Естественные и иные науки для своих потребностей используют свои, удобные для них концепции причинной связи. Это относится и к правоведению, которое естественной наукой не является. Противоестественно навязывать правоведению чуждые ему методы естественных наук. Более честной в этом плане представляется английская доктрина, которая различает фактическую причинную связь (установление которой сводится к методу исключения) и юридическую причинную связь. Юридическая, решая задачи уголовной политики, ограничивает вменение фактической. Советская доктрина также была более удачной в методологическом аспекте, так как не изобретала особой естественной науки о причинности, а рассматривала причинную связь в качестве категории философской. Проблема была лишь в пригодности диалектико-материалистической концепции причинности для юридической практики.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Итальянский уголовный кодекс 1930 г. / пер. проф. М. М. Исаева. — М., 1941.
2. *Antolisei F.* Il rapporto di causalità nel diritto penale. — Padova, 1934. — 255 p.
3. *Antolisei F.* Manuale di diritto penale. Parte generale. — XVI ed. — Milano, 2003. — 884 p.
4. *Mantovani F.* Diritto penale. Parte generale. — Padova, 2011. — 988 p.
5. *Marinucci G., Dolcini E., Gatta G. L.* Manuale di diritto penale. Parte generale. — Milano, 2023. — 1009 p.

Материал поступил в редакцию 5 октября 2023 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. *Italyanskiy ugodovnyy kodeks 1930 g.* / per. prof. M. M. Isaeva. — M., 1941.
2. *Antolisei F.* Il rapporto di causalità nel diritto penale. — Padova, 1934. — 255 p.
3. *Antolisei F.* Manuale di diritto penale. Parte generale. — XVI ed. — Milano, 2003. — 884 p.
4. *Mantovani F.* Diritto penale. Parte generale. — Padova, 2011. — 988 p.
5. *Marinucci G., Dolcini E., Gatta G. L.* Manuale di diritto penale. Parte generale. — Milano, 2023. — 1009 p.

²⁷ *Mantovani F.* Op. cit. P. 149.